Г. Д. АЛЕКСЕЕВА

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ (1917—1923 гг.)

Издательство «Наука»
Москва 1968

ОГЛАВЛЕНИЕ

Галина Дмитриевна Алексеева

Октябрьская революция и историческая наука в России [1917—1923 гг.]

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Кордюкова*
Художник *Н. П. Фролов*
Технический редактор *Т. А. Прусакова, Гуськова О. М.*

Сдано в набор 16/II 1968 г.
Подписано к печати 25/IX 1968 г.
Форрмат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 15,96
Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 4300. Т-14128. Тип. зак. 5063.

Цена 98 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10
2-я типография издательства «Наука»

в 1921—1923 гг., позволяет выявить научный уровень этих работ, их фактографическую основу, характерные черты и особенности, и, наконец, то новое, что они давали советской науке в этой важнейшей области отечественной истории. Среди первых советских исследователей истории пролетариата России следует отметить В. И. Невского. В 1922 г. он издал книгу о деятельности рабочего союза, созданного 1897 г. в г. Николаеве[22]. «Одна из таких организаций — „Южно-русский союз борьбы за освобождение рабочего класса" — в девяностые годы прошлого века имела очень большое значение в деле объединения революционного социал-демократического движения в южном промышленном районе»,— писал В. И. Невский. Для исследования В. И. Невского характерно привлечение широкого круга документальных материалов департамента полиции, хранившихся в Историко-революционном архиве Петрограда. Эта особенность заметно выделяет его труд из всей литературы тех лет. Истории образования и деятельности Южно-русского рабочего союза автор предпослал краткое описание состояния рабочего движения на юге России в 90-е годы XIX в. Характеризуя состав пролетариата, В. И. Невский отмечал: «Николаевский рабочий, очевидно, и представлял собой соединение всех этих слоев южно-русского пролетариата, начиная от высоко развитых, выдающихся одиночек и кончая самым отсталым и неразвитым, выходящим из средней России,— массу, где во всяком случае можно было найти благодарную почву для социалистической пропаганды»[23]. Основная часть работы В. И. Невского освещает возникновение, структуру и деятельность Николаевского союза, его связь с другими организациями, с общероссийским социал-демократическим движением. Специальную главу автор отводит характеристике кружков, входивших в союз, особенно подробно останавливаясь на пропагандистской работе. В. И. Невский пытается вскрыть связь Николаевского союза с рабочими организациями Одессы, Киева, Екатеринослава, Херсона и проследить

[22] *В. И. Невский.* Южно-русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г. М., 1922. Позднее эта работа вышла под названием «Николаевский южно-русский рабочий союз» (Пг., 1923).

[23] *В. И. Невский.* Южно-русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г, стр. 3, 17.

объединительные тенденции в рабочем движении 90-х годов.

Характеризуя итоги деятельности Южно-русского рабочего союза, В. И. Невский делал вывод, что «даже при условиях неимоверно тяжелых, при отсутствии людей она (организация.— *Г. А.*) правильно сумела поставить и разрешить три вопроса: в условиях подпольной работы придать своей организации массовый характер, ибо она фактически вовлекла в сферу своего влияния не только те две-три сотни рабочих, какие формально с нею связаны, а всю массу трудовых рабочих (организацию знали все рабочие), затем она сумела создать такую организацию, главное ядро которой было чисто пролетарским ядром, и, наконец, она правильно поставила и резрешила вопрос о связи одной революционной струи с общим революционным движением, по крайней мере, юга России»[24]. Книга В. И. Невского в некоторой мере уже устарела и нуждается в серьезных поправках, однако в те годы она была значительным исследованием по истории рабочего движения юга России в конце XIX в. Критика высоко оценивала работу В. И. Невского. Согласившись с утверждением автора, что руководители союза не были еще марксистами, что их теоретические воззрения были еще неопределенными, Фридлянд выступил против Невского, утверждавшего, что «ни о какой политической борьбе за политическую свободу против царского самодержавия и речи быть не могло». К сожалению, рецензент не приводил никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения. Однако Фридлянд, как и Невский, считал, что Южно-русский рабочий союз сыграл важную роль в подготовке социал-демократической партии, явившись одним из ее предшественников[25].

Книга молодого историка В. Астрова, учившегося тогда в Институте красной профессуры, посвящена одному из ранних оппортунистических течений в истории русской социал-демократии, предшественнику меньшевизма — экономизму. Основной теме автор предпослал краткий очерк экономического развития России конца XIX в., написанный на основе историко-экономической

[24] Там же, стр. 54—55.

[25] «Печать и революция», 1922, № 2, стр. 289—290

литературы и не являющийся результатом самостоятельного исследования. Основная часть его работы, посвященная вопросам характеристики зарождения и развития этого течения, определению его социальной базы, политических и тактических принципов, явилась итогом самостоятельного исследования и изучения значительного круга источников. Автор широко использовал документы, вышедшие из лагеря экономистов («Credo», «Рабочая мысль», «Рабочее дело» и др.). Методологической основой его работы были сочинения В. И. Ленина, в которых дана оценка этого оппортунистического направления, его ограниченности и опасности для пролетариата и социал-демократии. В этом плане фактический материал книги как бы иллюстрирует ленинские выводы [26]. Специальный раздел книги, вызвавший в те годы бурную полемику на страницах советской прессы, освещает вопрос о социальных корнях экономизма. Классовую базу экономизма автор видел в значительном приливе в ряды рабочего класса непролетарских слоев, которые неизбежно накладывали «отпечаток консервативности и на самые формы рабочего движения». Эти мелкобуржуазные элементы явились основой того течения в рабочем движении, которое получило название экономизма. «...Мелкобуржуазная психология, в свою очередь, переходила на прочие группы рабочих, ибо непосредственный ее носитель давил своим количеством, и тем усиливала те иллюзии, которые вызывал подъем и успех стачек у всего пролетариата в целом». С другой стороны, оппортунизм вырос на основе так называемой «рабочей аристократии», и «только для этой узкой прослойки рабочих экономизм имел свой настоящий смысл тред-юнионизма» [27].

Определяя экономизм как оппортунистическую систему, вскрывая его антиреволюционный характер, В. Астров постоянно обращается к работам В. И. Ленина, противопоставляя экономизму марксистско-ленинскую теорию и тактику. В заключении работы автор показывал, что «меньшевизм так же, как и экономизм опирается на слои рабочих, близкие к мелкой буржуазии, питается мелкобуржуазными настроениями в рабочей

[26] *В. Астров*. «Экономисты» — предтечи меньшевиков. Экономизм и рабочее движение в России на пороге XX века. Изд. 1-е. М., 1923; изд. 2-е, 1924.

[27] Там же, изд. 1-е, стр. 37, 39.

среде» [28]. Сравнением этих двух течений вскрывалась их тесная идейная и историческая связь и преемственность.

Исследование В. Астрова опровергает меньшевистскую трактовку экономизма, нашедшую особенно полное выражение в работах бывшего экономиста и меньшевика Акимова-Махновца [29]. Астров сумел не только отказаться от меньшевистской трактовки экономизма, но и выступил с критикой меньшевиков по важнейшим вопросам: определение социал-демократии, соотношение экономической и политической борьбы, значение социалистической теории для рабочего движения, роль партии как руководителя пролетариата и др. Оппортунистической трактовке роли социал-демократии как «лишь сознательной выразительнице» стихийного рабочего движения автор противопоставил марксистско-ленинское понимание. «Социал-демократия,— писал он,— есть соединение рабочего движения с социализмом, классовой борьбы пролетариата с его классовым сознанием» [30]. В противоположность меньшевистской характеристике Петербургского союза борьбы как организации, ничем принципиально не отличавшейся от стачечных касс и явившегося родоначальником экономизма, В. Астров, освещая деятельность Союза, подчеркивает, что она «является самой блестящей страницей в истории движения». При этом автор показывает роль В. И. Ленина как руководителя Союза [31]. Ценным качеством работы В. Астрова является антименьшевистская направленность, именно в то время, когда меньшевистская историография, хотя и сдавала одну позицию за другой, но все же продолжала еще отстаивать свои концепции в истории рабочего движения.

Исследование В. Астрова имело и ряд существенных недостатков. Поскольку они были отмечены критикой тех лет, обратимся к полемике, вызванной появлением его книги. В 1923—1924 гг. в советской печати было опубликовано несколько рецензий, в которых по-разному

[28] Там же, стр. 131.

[29] *В. Акимов-Махновец*. Очерк развития социал-демократии в России. Пг., 1906.

[30] *В. Астров*. Указ соч., изд. 1-е, стр. 52.

[31] Там же, стр. 59—60.

оценивались научные качества этой книги [32]. В заметке, опубликованной в «Спутнике коммуниста» за подписью А. С. (очевидно, А. Слепков), отмечалось, что В. Астров «блестяще справился с поставленной перед ним задачей», что он в живой и увлекательной форме характеризует теоретическую систему и тактику экономизма, удачно раскрывает его социальные корни. Автор рецензии в целом разделял взгляд В. Астрова, что экономизм базировался на полукрестьянских слоях пролетариата, «но если эта сырая, полукрестьянская масса не являлась постоянной базой оппортунизма, то у последнего имелся и постоянный оплот в лице рабочей аристократии, правда, составлявшей очень тонкий слой пролетариата» [33]. Рецензенту Н. Н. Батурину книга В. Астрова понравилась «прежде всего основательной и всесторонней проработкой первоисточников», обстоятельным социально-экономическим очерком и анализом всех характернейших документов экономистов. По мнению Н. Н. Батурина, автор менее удачно справился с решением вопроса о социальной основе экономизма и меньшевизма, недостаточно глубоко раскрыл влияние на эти течения «верхушки», или «аристократии», рабочего класса, с одной стороны, и отсталой полукрестьянской массы, с другой. Указав на эти недостатки, Батурин, однако, рекомендовал книгу «как лучшее и наиболее полное пособие по вопросу об экономизме» [34].

В заметке, появившейся несколько ранее отзывов Н. Н. Батурина в журнале «Под знаменем марксизма» за подписью Н. Л-р [35], содержится отрицательная оценка книги В. Астрова и дается иное понимание вопроса о социальных корнях экономизма: «Экономизм не был вовсе отражением полукрестьянских слоев пролетариата. Экономизм фактически был настроением целиком и полностью той зародышевой рабочей аристократии и полуаристократии, которая тогда имелась. Не на Урале, не в Сормове и т. д., а в Питере, Киеве, Польше — вот где экономизм имел социальную базу. И не среди отхожих рабочих и не низших слоев пролетариата, а в экономически (а следовательно и культурно) более высших слоях пролетариата экономизм находил себе адептов» [36]. С этих позиций он и критиковал книгу В. Астрова, охарактеризовав ее как неудачную попытку дать решение вопроса о классовой основе экономизма. По мнению Н. Л-ра, автор должен был изучить положение «привилегированной» части пролетариата Питера, Москвы и других промышленных центров, выяснить, в какой мере выделились квалифицированные слои рабочего класса, отдифференцировались от общей массы пролетариата, исследовать психологию и идеологию этой среды, организационные формы их объединения и т. п. Н. Л-р справедливо критиковал В. Астрова за то, что он совершенно не осветил политических условий, в которых оппортунизм потерпел крах, не показал разложение экономизма, без чего нельзя понять победы «Искры» на II съезде партии. Н. Л-р считал большим пробелом книги отсутствие в ней материалов о Бунде, «где экономизм принял классические формы, где наиболее ясно видны причины позднейшего перелома, где, наконец, наиболее ярко видна преемственная связь между экономизмом и меньшевизмом»; изучение Бунда позволило бы «вернее и лучше зарисовать и социальную базу экономизма и конкретную картину развития его как с.-д. течения» [37]. С таких же позиций, но в более резкой форме, критиковал второе издание этой книги и В. Пепел.

В развернувшемся споре о социальных корнях экономизма Н. Н. Батурин защищал взгляд В. Астрова. Критикуя противников своей точки зрения, он еще раз подчеркивал, что экономизм, как оппортунистическое течение, мог опираться, с одной стороны, на отсталые полукрестьянские массы рабочих, а с другой — на высококвалифицированную «верхушку». Батурин решительно отвергал взгляд Н. Л-ра, что «экономизм целиком и полностью» опирался на рабочую аристократию [38]. Однако слабая сторона суждений Н. Н. Батурина проявилась в том, что он не привел никаких новых фактов и доводов

[32] «Спутник коммуниста», 1923, № 22; «Печать и революция», 1924, № 2; «Пролетарская революция», 1924, № 2; «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7; «Под знаменем марксизма», 1924, № 3.

[33] «Спутник коммуниста», 1923, № 22, стр. 270.

[34] «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 209—210.

[35] Манера полемики и стиль дают основание предполагать, что заметка написана Н. Ленцнером — автором работ о Коминтерне.

[36] «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7, стр. 290.

[37] Там же, стр. 290—291.

[38] «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 110.

для обоснования своей точки зрения. Развивая свои мысли, Н. Н. Батурин подчеркивал, что оба эти фактора поразному влияли на возникновение и развитие экономизма (Астров этого не показал), что если «полукрестьянские рабочие массы обнаруживали анархический уклон, то «верхушка» была проводником другого антипролетарского уклона, уклона либерального» [39].

С появлением статьи Г. Лелевича в журнале «Пролетарская революция» этот спор превратился в дискуссию о социальных корнях оппортунизма вообще, о его природе и характере влияния на рабочее движение [40].

Не вдаваясь в подробное описание этой полемики, выходящей за рамки нашей темы, отметим, что Г. Лелевич, выступая против Н. Батурина, доказывал: оппортунизм является выражением мелкобуржуазных тенденций в рабочем движении и что конкретный подход к выяснению социальных корней оппортунизма показывает мелкобуржуазную, а не крупнокапиталистическую природу оппортунизма, хотя на деле оппортунизм «служит крупной буржуазии для подчинения себе рабочего движения» [41]. В ответе Н. Батурина Г. Лелевичу подробно излагается его точка зрения на природу оппортунизма [42]. Тогда же В. Астров выступил на страницах «Спутника коммуниста» и журнала «Под знаменем марксизма» с ответом своим критикам [43]. Продолжая отстаивать свой взгляд, он обращал внимание своих оппонентов на то обстоятельство, что в России вопрос о «рабочей аристократии» стоит иначе, чем в европейских странах. Выступая против Н. Л-ра и других, отрицавших влияние полукрестьянских слоев пролетариата на возникновение оппортунизма, и против Н. Батурина, умалявшего мелкобуржуазный характер экономизма, В. Астров еще раз подчеркивал: «...Современный оппортунизм во всех его видах представляет из себя сложный

[39] «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 113.

[40] *Г. Лелевич.* Еще о «социальных корнях» экономизма и меньшевизма (По поводу статьи тов. Батурина). «Пролетарская революция», 1924, № 5; *Н. Н. Батурин.* О влиянии крупной и мелкой буржуазии на рабочее движение (Ответ тов. Лелевичу). — «Пролетарская революция», 1924, № 6.

[41] «Пролетарская революция», 1924, № 5, стр. 122, 127.

[42] Там же, № 6.

[43] «Спутник коммуниста», 1923, № 25; «Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5.

социальный комплекс, в котором в разных пропорциях и отношениях переплетаются и переливаются друг в друга две указанные мною социальные струи оппортунизма» [44]. Из всех участников дискуссии взгляды В. Астрова оказались близки только к позиции Г. Лелевича, спорившего, однако, с Н. Батуриным.

Характер обсуждения проблем, поднятых в книге В. Астрова, показал, что среди историков-марксистов не было единого мнения по вопросу о социальных корнях оппортунизма, его природе и характере, а также о его особенностях в России. Решение вопроса тормозилось в то время слабой изученностью истории русского пролетариата, количества, степени влияния и особенностей рабочей аристократии в России.

Полемика вокруг книги Астрова весьма характерна для творческих обсуждений исторических исследований начала 20-х годов. Хотя они и страдали такими серьезными недостатками, как слабость аргументации, но нельзя не отметить важности поднимавшихся вопросов, глубоко творческого подхода историков к их решению.

Такой же характер носила дискуссия вокруг книги молодого в те годы историка, слушателя Института красной профессуры С. Айнзафта. Его работа посвящена зубатовщине и гапоновщине [45]. В дореволюционной литературе история «полицейского социализма» описывалась как самими участниками событий, так и историками мелкобуржуазного, главным образом, меньшевистского направления. Эта литература давала исследователю фактический материал, но в ней, как правило, содержались неверное понимание сущности и роли этих организаций в истории рабочего движения, явная переоценка и преувеличение их значения, известная идеализация. В некоторых из этих работ чрезмерное внимание уделялось личности Гапона, его деятельности, степени популярности и другим подобным вопросам, которые нередко оттесняли историю рабочего класса и его борьбы на второй план. Задачи историка-марксиста при изучении этой темы, с одной стороны, несколько

[44] «Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5, стр. 262.

[45] *С. Айнзафт.* Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922. Первоначально работа была опубликована в журнале «Вестник труда» (1922, № 6) под названием «Полицейское рабочее движение в России»; второе издание, переработанное и дополненное, вышло в 1923 г.; четвертое издание (идентичное) — в 1925 г.

облегчались значительным количеством опубликованных материалов, но, с другой стороны, осложнялись необходимостью преодоления целого ряда сложившихся неверных взглядов на историю «полицейского социализма» в России. При всех серьезных недостатках книга С. Айнзафта явилась первой обобщающей марксистской работой о гапоновщине и зубатовщине. Автор не только собрал и осмыслил значительный фактический материал, но и сделал ряд интересных наблюдений и попыток по-новому подойти к решению некоторых вопросов исследуемой темы. Правильно, с марксистских позиций, определив сущность зубатовщины и гапоновщины, ее цели и задачи, С. Айнзафт, однако, сделал неверный вывод об историческом смысле и месте «полицейского социализма» в истории рабочего движения России. Он утверждал, что «полицейский социализм» явился закономерным явлением в истории русского рабочего движения, его органической частью; без него невозможно было дальнейшее развитие рабочего движения по тому пути, которым оно пошло. Трудно сказать, что привело автора к этому, совершенно не вытекающему из его исследования выводу. В основе этого, как нам кажется, лежало недостаточно глубокое знание предшествующего и последующего периодов истории рабочего движения. Автор не использовал архивные материалы, не все опубликованные источники привлек при подготовке первого и последующих изданий (например, «Красный архив», 1922, № 1, «Красная летопись», 1922, № 1). Недостаточное знакомство с работами В. И. Ленина, содержащими оценку зубатовщины и гапоновщины, помешало автору осмыслить и правильно оценить изученные события; преодолев немарксистскую трактовку «полицейского социализма», он не смог подняться до правильного решения этой темы в целом.

В том же году появились две рецензии на книгу С. Айнзафта. Авторами их были М. Н. Покровский и С. А. Пионтковский[46]. Справедливо отметив основной недостаток работы, М. Н. Покровский допустил ряд искажений авторского текста и недостаточно обоснованных обвинений, хотя в целом дал высокую оценку

[46] «Вестник Социалистической академии», 1922, № 2; «Печать и революция», 1923, № 2.

книге. Он отмечал новизну тематики, добросовестное изложение фактического материала, освещение истории зубатовщины не только в Петербурге и Москве, как это делалось большинством его предшественников, но и среди пролетариата Минска и Одессы. Покровский упрекал автора в описательности, недостаточной последовательности и противоречивости. По его мнению, крупнейшей методологической ошибкой было игнорирование автором вопроса об объективных условиях подъема рабочего движения в 1904—1905 гг. и недооценка материального положения рабочего класса. Однако М. Н. Покровский несправедливо упрекал С. Айнзафта в непонимании таких категорий, как «сознательность» и «культурность», в недостаточности разработки вопроса о личности Гапона, его участии в революционном движении и связи с полицией. В одной из своих статей о 1905 г. В. И. Невский писал: «...Массовое революционное движение только за несколько часов его шествия до Нарвских ворот очистило его от его охранной скверны, а как только царские пули пронзили иконы и портрет царя, Гапона уже не было, остался только охранник, маленький и ничтожный, самовлюбленный и трусливый.... Героем 9-го января был только сам пролетариат, и в этом величие движения и состоит... Героем движения был только пролетариат, многоликий и единый, стоустый и мощный, наивный и самоотверженный, кровью своей оросивший первые шаги к свободе. Вот почему личность и дальнейшая судьба Гапона мало интересны»[47].

В противоположность С. Айнзафту, утверждавшему, что у петиции, с которой рабочие шли к царю, был коллективный автор, М. Н. Покровский высказал мнение, позднее совершенно отвергнутое наукой, что авторство принадлежало «освобожденцам».

В критике С. А. Пионтковского содержится ряд аналогичных упреков и замечаний. Кроме того, рецензент отмечал, что все внимание С. Айнзафта сосредоточилось на описании целей союзов и их деятельности, в то время как положение рабочего класса, отношение к зубатовщине других рабочих организаций, причины гибели зубатовщины остались невыясненными; что основную причину

[47] *В. И. Невский.* Январские дни в Петербурге в 1905 г. (По неизданным архивным материалам). — «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 63.